

Философская мысль:
рецепция и интерпретация

**ДИАЛОГ ВЛ. СОЛОВЬЕВА И К. ЛЕОНТЬЕВА
О ХОДЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ И ПРИЗВАНИИ РОССИИ**

Е.В. БЕССЧЕТНОВА

Девятнадцатый век стал особым периодом формирования и становления основных смыслов русской ментальности, и, что наиболее важно, первых размышлений о возможной судьбе России в рамках движения мировой истории. Можно назвать две фигуры того времени, двух равновеликих гениев — К. Леонтьева и Вл. Соловьева, внешне придерживавшихся диаметрально противоположных взглядов, но совпавших в главном — в своих основных размышлениях о пути России. К ним обоим вполне применимо определение Блока о Соловьеве — «рыцарь-монах». Воинственность Леонтьева и его монашеский сан вполне отвечали духу Вл. Соловьева

К. Леонтьев и Вл. Соловьев — они были особенным для своего времени, оба они были «одинокими мыслителями», вернее, — одинокими поэтами-мечтателями, как рыцари, отдавшие свою жизнь одной любимой женщине — мечте».

Обоих философов связывала одна и та же мечта о призвании России, — через соединение церковью восстановить единство христианского населения.

Владимир Соловьев считал, что единственной национальной политикой в России может быть только «широкая всепримиряющая политика — имперская и христианская», так как это соответствует тому, что Бог думает о России в вечности. Петр Великий и Екатерина Великая оставили после себя один главный завет. «Их образ и их исторические дела говорят России: будь верна себе, своей национальной особенностью и в силу ее будь универсальна». Россия времен Александра Третьего данному образу не соответствовала. Соловьев был категорически против формулы Уварова — Православие, Самодержавие, Народность, — лежащей в основе социальной политики. Е.Н. Трубецкой в своем фундаментальном труде «Мирозерцание Вл. Соловьева» подчеркивал: «Когда Соловьеву приходилось иметь дело с узким догматизмом, возводившим что-либо условное и относительное в безусловное, дух противоречия сказывался в нем с особой страстностью. В особенности жестко доставалось от него наиболее вредным из всех идолов — идолам политическим»¹. Сходна по восприятию проблемы и формула Константина Леонтьева: «Церковность — культурна, созидательна; голый племенной национализм разрушительно плоск»².

В 1883 г. в журнале «Русь» были опубликованы несколько статей Владимира Соловьева под общим названием «Великий спор и христианская политика». В этой работе философ начинает формулировать основные положения своего проекта и впервые затрагивает вопрос о том, что противостояние христианского Запада и христианского Востока, т.е. Рима и Византии может достойно и разумно завершиться лишь при «воссоединении церквей». Владимир Соловьев в своей работе сделал вывод о том, что христианский Восток не имеет никакой дальнейшей исторической перспективы до момента воссоединения с христианским Западом. Но речь шла не о механическом соединении церквей, речь шла о тектонических сдвигах времени, что угадал Мандельштам, говоря об alter ego Соловьева Леонтьеве, который «из всех русских писателей более других склонен орудовать глыбами времени. Он чувствует столетия, как погоду, и покрикивает на них»³.

С 1884 по 1886 гг. философ работал над книгой «История и будущность теократии». В этот период идея соединения церквей завладела им окончательно и стала центральной и господствующей. Он пишет Кирееву, что ничем другим в настоящее время заниматься не может, что все мысли его сводятся к разрешению церковного вопроса — к восстановлению единства церкви. Философ был глубоко убежден, что от соединения церквей зависят судьбы не только России и славянства, но и всего мира, ибо мы, русские, православные, полагал он, и весь Восток *ничего не можем сделать*, пока не загладим грех церковного разделения.

Соловьев полагал, что истинная жизнь реализуется на примере Церкви, которая для Соловьева — это свободное единение верующих, принявших истину Спасителя. Центр Христианской Ойкумены находился, находится и будет находиться именно в Риме, в городе апостола Петра. Для Соловьева папский Рим стал центром христианского мира, точно таким же, каким был Рим кесарей для мира языческого. В признании св. Петра пастырем и камнем, на котором будет построена Вселенская Церковь, было выражено новое бытие последней всемирной римской империи. Вселенская церковь совершенна тем, что она основывается на согласии и единодушии всех своих членов. Но ей необходима объединяющая и примиряющая власть, которая могла охранять устои Церкви во времена господствующего раздора.

Во Христе открылась тайна Богочеловечества как союза совершенного Божества и совершенного человечества, которое для Соловьева есть духовный организм и духовный замысел, реализуемый только человеком в единстве с Богом.

Главной задачей является не слепое объединение всех людей в организм для осуществления одного общего дела. Против этого выступал также Достоевский, считавший, что в таком случае все это привело бы к обществу, подобному муравейнику. Соловьев писал: «Дело не в

единстве, а в свободном согласии на единство. Дело не в великости и важности общей задачи, а в добровольном ее признании»⁴. С момента появления христианства сознание единства человечества углубилось, и появилась принципиально новая задача — задача объединить человеческий род в духе и истине.

Исходя из того, что христианство по смыслу своему есть европейская религия, противостоящая язычеству, исламу, буддизму, — и потому хоть и разделенное на разные конфессии, оно было призвано во всей полноте раскрыть европейский исторический Восток, с его постоянными поисками истинного Божества, и европейский исторический Запад, поклоняющийся совершенному человеку. «В христианстве как таковом мы находим Христа и только Христа — вот истина, много раз высказанная, но очень мало усвоенная»⁵.

Идеал Соловьева: свободное единение всего человечества в церкви Христовой не может быть достигнут, пока прообраз этого единства, Церковь, раздроблена: «Вселенская Церковь не знает такой исключительности, она пребывает и на Востоке и на Западе, она в том, чем святится и Восток и Запад, она в том, что соединяло христианские народы в их младенчестве, во имя чего *они еще должны соединиться, чтобы достигнуть полноты возраста Христова*»⁶.

Константин Леонтьев разделял идею Соловьева о централизации Церкви, он писал: «В этом великом русском мыслителе надо различать две стороны: положительную: проповедь примирения Церквей и отрицательную: против возможности Русской особой культуры»⁷. Леонтьев верил в Русско-Славянскую культуру, но, как он сам отмечал, не слишком; безусловно, эта вера была не религиозная, не догматическая, а скорее историческая, патриотическая. Что же касается озвученного Соловьевым призвания России — стать орудием и почвой примирения Церквей и соединения с Римом, то Леонтьев отмечал: «Я впервые спросил себя так: Веруя в Св. Апостольскую Церковь, забываясь, по мере сил, о спасении души своей, имеет ли Православный Христианин право противиться предполагаемому Соловьевым пути соединения Св. Божиих Церквей — только из-за желания видеть свою отчизну и свое племя весьма оригинальным и в этой оригинальности великим? И ответил сам себе: нет, не имеет!»⁸ Но все же создание своеобразной русской культуры никоим образом не мешает объединению Церквей. Леонтьев был убежден в том, что Россия сможет стать действительной политической силой, о которой говорил Соловьев в рамках своего проекта, — только лишь при условии, если она постепенно устранил из русской жизни все то, что сближает ее духовно с либеральной, антирелигиозной и саморазрушающейся Европой конца XIX столетия. Философ писал: «Было время, когда европеизм был нужен нам как дрожжи; теперь эти живительные дрожжи переродились в гнилостные бактерии»⁹.

Леонтьева сравнивали с Ницше в его нелюбви к современной буржуазной Европе. Но ведь и Византия, любимая Леонтьевым, — это инобытие той Европы, ренессансной Европы, которую обожал философ. Уместно сослаться на точное наблюдение А. Козырева: «У Ницше и Леонтьева можно без труда найти сходные высказывания о пошлости европейской цивилизации, лицемерии, ханжестве традиционной морали. Но пафос разрушения морали, презрения к аскетизму и духовной традиции, ко всяким сдерживающим дух оковам совершенно чужд Леонтьеву. <...> “Ренессанс” судил Леонтьева. Так, может, отравы ницшевского имморализма прежде текла в жилах критиков?»¹⁰ Эстетизм Леонтьева был не аморальный и не демонический, а вполне возрожденческий, при этом отнюдь не походивший на декадентские призывы начала XX в. к злу и насилию. Леонтьев является истинным гуманистом сродни родоначальникам эпохи Возрождения, он отрицает и не принимает новую цивилизацию во имя гуманистического идеала красоты¹¹.

К идеям Ницше обращался и критиковал их Вл. Соловьев. По утверждению философа, на рубеже XIX и XX вв. русские люди были увлечены тремя идеями: экономическим материализмом Маркса, отвлеченным морализмом Толстого и идеей сверхчеловека Ницше, подчеркивая, что третья связана именно с тем, что наступит завтра. Очевидно, что Соловьев в работах немецкого философа увидел картину возможного будущего Европы, которая не могла не тревожить мыслителя. Переоценка ценностей и отказ от христианства Ницше равносильны для Соловьева распаду и разложению современного ему европейского общества. В действительности его проект Всемирной теократии, точно так же, как и проект Леонтьева, представлял собой попытку предотвращения данных процессов.

Леонтьев дал своему проекту будущей культуры название «Гептастилизм»¹². Буквально «Гептастилизм» переводится как семи-столбие. Проект самобытной, развивающейся из своих особенных национальных источников будущей славяно-восточной цивилизации стал центральной идеей. Она должна формироваться в стороне от западной цивилизации, находящейся в условиях своего разложения и заката. Новая культура будет иметь семь оснований, Леонтьев их назвал отвлеченными идеями. Эти «отвлеченные идеи» и являются «столпами» проекта философа: религиозные идеи, политические идеи, юридические идеи, философские идеи, бытовые идеи, художественные идеи, экономические идеи.

В письме к Фуделю от 6 — 23 июля 1888 г. была дана не полная краткая характеристика 5 столпов: «1) Государство должно быть пестро, сложно, крепко-сословно и с осторожностью подвижно. Вообще сурово, иногда и до свирепости. 2) Церковь должна быть независимее нынешней. — Иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее. —

Церковь должна смягчать Государственность; а не наоборот. 3) Быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада, единстве. — Или совсем, например, не танцевать, а молиться Богу; — а если танцевать — то по-своему, выдумать или развить народное до изящной утонченности... и т.п. 4) Законы, принципы власти должны быть строги; люди — должны стараться быть лично добрее; — одно уравнивает другое. 5) Наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе»¹⁴. В основе мировоззрения Леонтьева лежит эстетика жизни. В одном из своих писем философ писал: «Настоящий культурно-славянский идеал должен быть скорее эстетического, чем нравственного характера. Ибо если рассматривать дело с реалистической точки зрения, не увлекаясь какой-нибудь добродушной верой в осуществление того, чего мы сердцем желаем, то придется согласиться, что эстетические требования осуществимее в жизни, чем моральные. Надо и для своего народа ждать чего-то такого, чему примеры бывали, а не такого, чего никто не видывал... Нет, нельзя, как нельзя вообразить себе будущее только моральным, — если же мы скажем эстетическим, то этим мы сказали все...»¹⁵

Материал для трех основных столпов (религиозного, государственного и экономического) уже присутствует в русской культуре.

По мнению Леонтьева, к 60-м гг. XIX в. старая жизнь оказалась больше неприемлемой, возникла необходимость в новой жизни, а новая жизнь требует нового центра, новой культурной столицы, которой должен стать Царьград. Леонтьев полагал, что когда Константинополь будет взят, на место старой невиской цивилизации придет новый босфорский Русизм. Леонтьев предпочитал Риму Византию, и центром объединения он видел Константинополь, т.е. не Вечный Рим, а Новый Рим, по крайней мере, по его собственному утверждению, до тех пор, пока Восточное духовенство не прикажет смириться и преклонить колено перед преемником апостола Петра.

Философ писал: «Политические идеи преходящи, как все на свете. После славянофильского плодonoшения все равно все будет склоняться к гибели. Погибнет и Россия когда-нибудь. Ничего окончательного в смысле всеобщего и вечного удовлетворения на земле никогда не будет. Может быть, — говорит он, — Россия в новой форме повторяет историю старого Рима. Но разница в том, что под его подданством родился Христос, — под нашим скоро родится — Антихрист?»¹⁶ Главный вопрос, который беспокоил Леонтьева, был: «Спасется ли Россия государственно и культурно? Или мы призваны окончить историю, погубив человечество?»¹⁷ Леонтьев для России видел лишь единственную возможность спасения — в строжайшей консервативной политике, он не верил в либерально-демократический прогресс и всеобщее равенство, которые, по его мнению, неминуемо приведут к гибели.

В Европе уже давно начался и остановлен быть не может процесс упрости́тельного смешения, то, что Герцен называл торжеством европейского мещанства. И Леонтьев писал: «Все идут к одному, к какому-то средневропейскому типу общества и к господству какого-то среднего человека. И будут так идти, пока не сольются все в одну всеевропейскую республиканскую федерацию»¹⁹. Герцен видел мещанство и русское самодержавие как врагов свободы. Леонтьев говорил о невозможности, но необходимости монархического начала в XX в., веру в которое сохраняет только лишь тот, кто не умеет читать живую книгу истории. Если не подморозить Россию, то распадется и Россия. Грядущее царство философ описывал следующим образом: «Быть может, явится рабство в новой форме, вероятно, в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин — государству ... Уж, во всяком случае, эта новая культура будет очень тяжела для многих, и замесят ее люди столь близкого уже XX в. никак не на сахаре и розовой воде равномерной свободы и гуманности, а на чем-то ином, даже страшном для непривычных»²⁰.

Николай Бердяев заметил, что Леонтьев жил с предчувствием катастрофического темпа истории: «У него вообще было сильное чувство истории — в отличие от огромного большинства русских людей. Он предпочитал сложность и драму истории бессмыслию земного абсолюта»²¹.

Леонтьев первым почувствовал возможный приход Антихриста, еще за 10 лет до того как была написана его гениальным современником «Краткая повесть об Антихристе», ставшая логичным завершением рассуждений Соловьева на тему конца истории. Леонтьев в своей работе «Вл. Соловьев против Данилевского» писал, что главной целью идей Соловьева является спасение посредством воссоединения церквей наибольшего количества христианских душ и «приготовить христианское общество к эсхатологической борьбе, к пришествию антихриста и страшному последнему Суду Божию»²².

Соловьев долгое время полагал, что человек при помощи Бога может перерасти в нечто Высшее. Но «грядущий человек» в «Краткой повести» стал больше чем просто человеком, благодаря покровительству дьявола. Антихрист, вместо идеального монарха, стал главой Всемирной империи, власть сосредоточена в его руках, папа полностью повинуетя воле императора. И в этом усмешка Соловьева над своими идеями: в империи Антихриста не может быть и речи о свободной симфонии властей. Соловьев увидел, что непоколебимыми в вере останутся лишь немногие. Философ писал в своем письме к Е. Тавернье: «Я знаю, что есть священники и монахи, которые <...> требуют подчинения церковной власти без ограничений, как Богу. Это — заблуждение, которое придется назвать ересью, когда оно будет ясно сформулировано. Надо быть готовым к тому, что девяносто девять

священников и монахов из ста объявят себя за Антихриста. Это их полное право и их дело»²⁴. Соловьев кардинально меняет свои взгляды о действительном месте зла в мире, истории, и жизни человека. Если до 1891 г. ему свойственно было «оптимистическое» восприятие зла и недооценка его реальной силы, то в начале 1890-х гг. наступает «идейный “перелом” (“поворот”), кульминацией которого станут философский диалог *Три разговора* и дополняющая его *Краткая повесть об Антихристе*»²⁵.

Соловьев чувствовал, да и понимал, в конце концов, что всех людей в праведников не превратить, что добро существует для всех, но не все в состоянии его принять. А эгалитарная всемирная монархия неизбежно приведет к господству Антихриста.

Верующие обречены остаться в меньшинстве. Необходимость государства остается, оно необходимо для предотвращения превращения жизни в ад. Но только одно государство не способно установить вечный мир, духовный христианский рай.

На предсмертные тексты Вл. Соловьева «повлияли эсхатологизм Леонтьева и его судорожное ожидание прихода антихриста»²⁷. И. Фудель писал, что в общей сумме воздействующих влияний на крушение веры Соловьева в земной прогресс свою долю имел Леонтьев. В последнюю неделю жизни последний страстно искал встречи с первым, и если бы Леонтьев прожил еще 8 лет, «с каким бы восторгом воскликнул “Осанна” своему старому другу, когда появились его “Три разговора” и “Повесть об Антихристе”»²⁸.

Леонтьеву точно так же, как и Соловьеву присуще трагическое восприятие исторического бытия.

Соловьев и Леонтьев были теми проектантами, пытавшимися найти способ изменить ход мировой истории, чьи проекты не сработали, превратившись в утопии. Они шли разными путями, но пришли к одним и тем же выводам, а именно к осознанию того, что всемирная история близится к своему концу и что самое важное для каждого человека — достойно принять эсхатологический конец истории, где в качестве спасителя выступает лишь Христос.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С. Соловьева. В 2 т. — М.: Медиум, 1995. Т. 1. С. 37.

² Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев К.Н. Избранное. — М.: Радогъ, 1993. С. 257.

³ Мандельштам О. Шум времени // Мандельштам О. Собр. соч. В 4 т. Т. 2. — М.: Арт-бизнс, 1993. С. 391 — 392.

⁴ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского Соч. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1988. С.306.

- ⁵ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1989. С.75.
- ⁶ Соловьев В.С. Великий спор и Христианская политика // Соловьев В.С. Собр. соч. В 12 т. Т. 4. 1966. С.97.
- ⁷ Леонтьев К.Н. Переписка. Статьи. Воспоминания // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. Т. 7. – СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 87.
- ⁸ Там же. С. 88.
- ⁹ Там же. С. 89.
- ¹⁰ Козырев А. Константин Леонтьев в «зеркалах» наследников // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Кн.1. – СПб.: РХГИ, 1995: С. 428 – 429.
- ¹¹ Булгаков С.Н. Победитель – Победенный (Судьба К.Н. Леонтьева) // Булгаков С.Н. Тихие думы. – М.: Республика, 1996. С. 87.
- ¹² См. фундаментальное исследование: Фетисенко О.Л. «Гептастилисты». Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. – СПб.: Пушкинский дом, 2012. – 784 с.
- ¹³ Пророки Византизма // Переписка К. Леонтьева и Т. Филиппова / ред. О.Л. Фетисенко. Пушкинский дом. – СПб., 2011. С. 37.
- ¹⁴ Леонтьев К.Н. Переписка. Статьи. Воспоминания. Т. 7. С. 91 – 92.
- ¹⁵ Фудель И. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // Константин Леонтьев. Pro et contra. РХГУ. – СПб., 1995. С. 158.
- ¹⁶ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872 – 1891). – М., 1996. С. 507.
- ¹⁷ Там же. С. 506.
- ¹⁸ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 348.
- ¹⁹ Леонтьев К.Н. Византизм и Славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. Т. 7. – СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 323.
- ²⁰ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872 – 1891). С. 112.
- ²¹ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. – Париж: YMCA-Press, 1926. С. 57.
- ²² Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев К.Н. Избранное. – М.: Радогъ, 1993. С.199.
- ²³ Соловьев В.С. Три разговора // Соловьев В.С. Собр. соч. В 2 томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. С. 746.
- ²⁴ Соловьев В.С. Из писем к Е. Тавернье // Соловьев Владимир. О христианском единстве. – М., 1994. С. 328.
- ²⁵ Красицкий Я. Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьева. – М.: Прогресс-традиция, 2009. С. 22.
- ²⁶ Кантор В.К. Владимир Соловьев: имперские проблемы всемирной теократии // Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. – М.: РОССПЭН, 2008. С. 397.
- ²⁷ Кантор В.К. Константин Леонтьев: христианство без надежды, или Трагическое чувство бытия // «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов. – М.: РОССПЭН, 2011. С. 147.
- ²⁸ Фудель И. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // Константин Леонтьев. Pro et contra. – СПб.: РХГУ, 1995. С. 405.
- ²⁹ Кантор В.К. Константин Леонтьев: христианство без надежды... С. 148.

Аннотация

В сложной структуре взаимоотношений историософских идей и людей русского XIX в., когда формировались основные смыслы русской ментальности, можно назвать две фигуры равновеликих гениев – К. Леонтьева и Вл. Соловьева. Соловьев и Леонтьев пытались создать историософские проекты, должны были изменить ход истории. Они шли разными путями, но пришли к одним и тем же выводам, а именно к осознанию того, что всемирная история близится к своему концу и что самое важное для каждого человека – это найти свое место в надвигающемся эсхатологическом кризисе.

Ключевые слова: империя, прогресс, утопия, философия истории, церковь, эсхатология.

Summary

Russian thought of the nineteenth century, when all the main meanings of the Russian mentality were being formed, knows two equal geniuses – Konstantin Leontiev and Vladimir Solovyov. Each tried to develop a historiosophical project destined to change the course of history. Each chose a different path, but in the end both came to the same conclusions: the end of world history is near and the most important thing for every person is to find his own place in the imminent eschatological crisis.

Keywords: church, empire, eschatology, philosophy of history, progress, utopia.